

Моск. новости - 1993 - 6 июня (№6) - с. 85

— Михаил Николаевич, ваш новый роман, как и предыдущие сочинения, оснащен подзаголовком, на этот раз довольно странным: «Криминальная сюита с интродукцией и теоремой о призраках». Не могли бы вы его прокомментировать?

— Скажу, о чем роман, ясно будет, что другого названия и другого подзаголовка у него и быть не могло. Это роман о призраках, о нас с вами, о наших современниках, о людях, с которыми я прожил бок о бок полвека, а потом оказалось, что «сову надо разьяснить», как говорил Шариков, — то ли мы были, то ли нас не было. То ли мы жили, то ли были каким-то миражом. Я писал о людях-призраках, о тех, чье пребывание на этой земле как бы не замечается, во внимание не берется. Призрак — это, на мой взгляд, наиболее точный образ, отражающий правовое и гражданское, социальное, а нынче и экономическое состояние большинства моих соотечественников. Действие романа происходит тридцать лет назад, но то же самое происходит с нами и сегодня. Та же эпоха исполинских затей! Тогда до нас не было дела, потому что надо было к обозначенной дате коммунизм построить, теперь до нас дела нет, потому что надо в пожарном порядке делать базарную экономику. Снова несчетное число людей обречены на призрачное существование.

Слово «криминальная» выражает мое отношение к исторической практике обращения живых людей в призраки. Практика эта, как известно, насчитывает много сотен лет.

И третье слово — «сюита». Мне пришлось искать форму, способную включить в себя множество судеб, вполне автономных, лишь равно обреченных. Так что подзаголовок у меня не для того, чтобы напустить туману, а как раз для внесения ясности.

— Как давно возник этот замысел и сколько времени ушло на его реализацию?

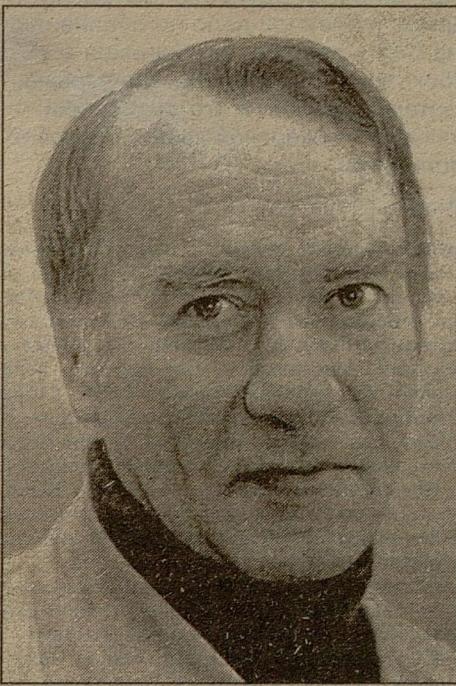
— Думаю, что первым толчком, побудителем было самоощущение призрачного существования, сложившегося за многие годы работы на киностудии. В день отправки рукописи в журнал, наводя порядок на рабочих столах, я нашел «працтура» этого романа, короткометражный сценарий «Зеркало», написанный для Ролана Быкова в 1970 году. Знаменитой картины Тарковского тогда еще не было. И написан этот сценарий в семнадцать страниц был, что называется, «гусиным пером», то есть не в привычной сценарной записи, а так, как я писал для себя, в свое удовольствие, отвлекаясь от кинозанятий. Думаю, что найденный стиль, интонация и герой оказались тем горчичным зернышком, из которого в конце концов выросло довольно ветвистое дерево. В сценарии появился Монтачка, человек-довесок, приспособление, инструмент истории, наметилась коллизия: человек и зеркало. Двадцать два года от начала до конца работы — какой-то, на первый взгляд, неправдоподобный срок для вещи сравнительно небольшой, но сейчас я понимаю, что роман не мог быть написан ни двадцать, ни десять, ни пять лет назад. Он должен был сначала весь произойти. Нужно было прожить эту призрачную жизнь, когда тебя действительно «в упор не видят», и убедиться в том, что другая жизнь большинству граждан, о которых так искренне заботится меньшинство, и не светит.

— Мне кажется, эта вещь для вас в каком-то смысле итоговая.

— Писал я эту вещь долго, народу в ней поселилось много, и люди это, как и во всех моих сочинениях, реальные. Вдруг, года полтора назад, пришел испуг: а ну как со мной что-нибудь случится, не допишу, все они вместе со мной и сгинут, никто уже не напишет о подводнике, не пожелавшем из гордости стать Героем Советского Союза, ни о медсестре, чью трехлетнюю дочку повесили в Свиблове «за связь с партизанами» впридачу к деду и бабке, ни о «крепостном мужике» из Петропавловки, спасающем город, обращающийся в призрак на наших глазах. А могильщик, исчезнувший у себя на кладбище, а учительница из школы для незрячих, а швея с Володарки, а скрипач с шестого пульта из группы вторых скрипок ордена Трудового Красного Знамени заслуженного коллектива республики Симфонического оркестра Ленинградской филармонии!.. И вот этот страх, страх оттого, что я могу лишиться их даже призрачной жизни литературных персонажей, конечно, подгонял меня и,

Криминальная сюита

Журнал «Новый мир» (№№ 5-6) публикует роман Михаила Кураева «Зеркало Монтачки». С автором встретился наш корреспондент, чтобы поговорить о проблемах, затронутых в произведении.

как вы справедливо почувствовали, был итогового свойства.

— Я имел в виду в первую очередь проблему стиля. Стилистика, маркированная вашим именем, в своем развитии достигает в романе, на мой взгляд, пика, после которого возникает опасность повторов. Нет ли у вас подобного ощущения?

— Вы с уверенностью говорите о моем стиле, даже прослеживаете график, где есть «пик», я же не занимаюсь «стилем», задачи у меня другие: рассказать историю, рассказать про людей, рассказать ясно, по возможности полно и максимально плотно. Критик из Нью-Йорка подсчитала, что на тридцати журнальных страницах «Ночного дозора» рассказано двадцать две истории. Сам не ожидал! Но такая плотность как раз мне по душе. Стиль это? Наверяд ли. Хотя я забочусь, естественно, о том, чтобы читать было интересно не только страницу, но и абзац, и фразу, радуюсь, когда удается найти какое-нибудь лакомое слово. А что касается «пика»... «Дикштейн», «Дозор», «Петя» написаны мной равноусердно, для меня они вне субординации, кто выше, кто ниже, и не мне судить, куда я там двинулся — вперед, назад, вверх, вбок. Когда пишешь, столько забот и страхов, что еще опасаться «достичь пика», опасаться исчерпанности стиля, пределов реализма как метода просто некогда, мне бы со своей немотой и косноязычием справиться, и слава Аллаху!

— Мы начали разговор с подзаголовка, а в заголовке стоит слово «зеркало». Какое место занимает этот предмет в романе?

— Зеркало — вещь странная, загадочная, многозначная, и роль его в романе тоже многозначна. Это и принцип, и образ, и стиль. Зеркальная переключка, кратные повторения, возможность в одном месте соединить разнесенные временем и пространством события, явления, судьбы... Зеркало в романе хотя и ведет себя странно, но это не игра, а движение к сущности. Без него невозможно было бы проследить взаимоотношение истории цивилизации, государства, города, дома, человека... И здесь ничего не надо ни искать, ни придумывать, вся наша жизнь пронизана взаимоотражениями. Все согласится, что призрак Персея в подводной лодке, идущей в атаку, и естествен, и уместен, не я зарифмовал расправы над царевичами Алексеями, учиненные с дистанцией ровно в двести лет, только что не час в час и не по авторской прихоти, словно пускаясь вдогонку за гробом неприкаянного Паганини, умирают в дороге великие скрипачи.

Понять соединенность, существующую в жизни, — быть может, для сознания нет задачи важнее, когда мы все время пытаемся от чего-то отрешиться, отказаться, порвать связи и поэтому запутываемся в обрывках. Не видеть и не понимать существующие связи — значит не считаться с ре-

альностью. Можно, не считаясь с реально-стью, все теми же партийно-кампанейскими методами, революционным обвалом кинуть социалистическую, немощную, проигравшую соревнование, но реальную экономику, энергетику, науку, промышленность в непредсказуемую стихию вечного русского «авось» да «небось». Как же нужно не любить, презирать, не знать, не замечать живых людей, чтобы обречь их на все это! Все эти партийные оборотни (оборотни тоже занимают должное место в романе), уверовавшие вдруг кто в Бога, кто в демократию, кто в монархию, кто в русскую идею, кто в японскую, кто в Пятый интернационал, кто в пятый пункт, — все они остаются, для меня во всяком случае, все теми же партийными оборотнями, и заново им не родиться, как бы они ни уверяли нас в обратном, пусть они в зеркало посмотрятся и увидят себя с их оглобленной политикой и свежо звучащими призывами к десяткам миллионов потерпеть ради гарантированно прекрасного будущего, которое опять же неведомо когда наступит.

— Перечень событий, о которых вы пишете в романе, приводит к выводу о драматическом и достаточно страшном круге, из которого Россия никогда не вырваться...

— Разумеется, не вырваться, пока мы сами не поймем, что же с нами происходит, пока мы одни иллюзии будем поспешно менять на другие, пока мы будем жить мнениями, соображениями минуты, тактики, мелкотравчатой политики выбора из двух-трех-четырёх, но непременно зол, пока не протрезвеем и не научимся называть вещи своими именами. А история, как мне кажется, в своих циклических вращениях таскает за шиворот нации и народы: учись, учись, учись! Думай, думай, думай! Понимай, понимай, понимай! Неужество в природе своей трагично. Остается лишь верить в разум, в возможность осознания пути, понимания его циклических закономерностей.

— Вы выпускаете роман в то время, когда многие говорят о гибели литературы, конце романа, общем кризисе культуры...

— Давайте различать судьбу литературы и судьбы литераторов, даже наблюдая единство жизни. Растет, например, число матерей, отказывающихся брать своих детей из роддома. И ленинградский писатель, чья повесть по моей настоятельной рекомендации была напечатана в солидном московском журнале, не пожелал взять в редакции заказанные для него авторские экземпляры своего последнего детища. Пока повесть печатали, он откликнулся на новый зов времени. Теперь престижно и денежно вкладывать талант в бизнес. Талантливый человек нигде не пропадет! Пострадает ли литература от того, что из нее уйдут потенциальные бизнесмены? Конечно, она лишится каких-то красок, но, быть может, приобретет другие.

Говорят о конце литературы, но это из лукавства, не договаривая сути. Речь-то идет о судьбе замечательного, уникального, могучего потока, имя которому Русская культура XIX века. Через бесчеловечность XX века этот поток нас пронес, позволив сохранить представление о добре и зле, о чести, достоинстве, сострадании. Каково будет этой культуре с ее органической антибуржуазностью, с ее гуманизмом, с противостоянием воинствующему эгоизму и собственничеству? Малиновым звоном встречают нынче частную собственность, частную инициативу, частное предпринимательство, выбивая и заглушая в сознании все, что питает альтернативные и, надо думать, обреченные понятия: ЧЕСТНАЯ собственность, ЧЕСТНОЕ предпринимательство, ЧЕСТНАЯ жизнь.

Литература, искусство — это зеркало, в котором можно видеть душу народа, душу нации. Убить литературу, подчинить искусство коммерции (как во всем цивилизованном мире! — любимая пощевка новоявленных могильщиков) — это унижить людей, обокрасть душу и карман.

Я где-то недавно обмолвился о том, что закончил роман, и тут же услышал голос коллеги: «Только дураки сегодня романы пишут». А тут еще книжку получил от Андрея Синявского «Иван-дурак» с дарственной надписью: «...от старого дурака». Ну что ж, от звания не отрекаюсь, главное, как говорится, чтобы компания была приличная.

Сергей ШАПОВАЛ

6.06.93

Кураев Михаил